

Е. В. Воропаева

Трансформация идеи патриотизма в среде русской эмиграции XX века

Патриотическое сознание русской интеллигенции накануне Октябрьской революции характеризуется отсутствием целостности, деформированностью, политизированностью, самоидентификационным кризисом. Патриоты разрывались между любовью к народу и ненавистью к государству, были оторваны от национальной почвы и увлечены идеями западной культуры. Новое понимание патриотизма было обретено вместе с чувством родины в период послереволюционного изгнания.

Ключевые слова: патриотизм, русская интеллигенция, космополитизм, национальная идея, эмиграция.

Счастливую и великую родину любить не велика вещь.

В. В. Розанов

Несмотря на то, что формирование русской интеллигенции изначально происходило при непосредственном влиянии западной культуры, в результате реформенных преобразований Петра Великого, расколовших «русский монолит» на просвещенно-дворянский и «темно-народный» пласты, оно не привело к окончательной космополитизации ее патриотического чувства, хотя и наполнило его противоречивыми идеями.

Такое наполнение не позволило сформировать к началу XX века единого для всей нации, великорусского патриотизма, о чем Ю.В. Готье писал с беспокойством: «Как будто великороссы...выдохлись, а понятие общерусского и великорусского настолько отождествилось с режимом политическим, что и ненависть к этому режиму... вызвала атрофию общерусского патриотизма» [5; 19]. Он пророчески предрекал гибель России по вине «патриотизма-партикуляризма», погубившего немало славянских народов.

Гибельным изъяном самосознания российской интеллигенции оказалось отсутствие подлинного чувства и знания Родины, пребывание в состоянии «ментальной эмиграции» [7; 110]. Особый настрой российской интеллигенции конца XIX века, одновременно антисамодержавный и пронародный, на фоне увлеченности западными идеалами, сформировал традицию критики, чаадаевского «бичевания своей родины», воспреемниками которого стали представители западничества: А.И. Герцен, В.С. Печерин, Н.П. Огарев и т.д. Ф.М. Достоевский, оценивая патриотизм А.И. Герцена как оторванный от русской почвы и «русской правды», видит причину как раз в том, что Герцен «так уж и родился эмигрантом» [6; 168], и подражатели его, такие же «ментальные эмигранты», ни разу не выезжая из России, слепо увлеченные идеалами западной культуры, поражались духовным изъяном – глубинным разрывом с народом [18; 227]. Представители «ментальной эмиграции» сами не знали, «кого любят больше, Россию или Европу» [9; 13].

Поэтапное увлечение русской интеллигенции нигилизмом, народничеством, марксизмом только усиливало космополитический настрой и отдаляло от родной почвы, формировало собственный патриотизм, патриотизм «государства в государстве», патриотизм «лагеря, окруженного врагами» [10; 354]. Интеллигенция не спешила реагировать на критику космополитизма, звучащую в литературе и публицистике, например, в романе И.С. Тургенева «Рудин»: «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье. Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Космополитизм – чепуха, космополит – нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет» [17; 113-114].

Писатель делится наблюдениями: только оказавшись в реальной эмиграции, «ментальные эмигранты» утрачивают самообольщение Западом, разочаровываются и «трезвеют», их охватывает «пронзительное чувство любви к России»: «Чужая сторона научит любить свое Отечество» [16; 16]. В подтверждение его наблюдений читаем строки из «Писем из Франции и Италии» А.И. Герцена, которыми он описывает «духовное возвращение на родину», сменившее «крик радости при переезде через границу», делится чувством благодарности к Отечеству за полученное исцеление от нравственной гибели, переполняющим его спасительным чувством веры в Россию [3; 10]. Так же откровенен другой реальный эмигрант, Н. П. Огарев, внезапно осознавший: «я слишком русский человек и слишком мало верю в Европу, чтобы выносить заграничную жизнь без глубоко тоски по родине» [11].

Для остальных «ментальных эмигрантов» понятие патриотизма стойко связано с негативной оценкой официальной государственной власти, с мнением о лживости, продажности, обесценивании, неестественности этого чувства [15; 236-237].

Эта противоречивость, двойственность оказалась губительной в годы тяжелых военных испытаний. Пораженческая позиция интеллигенции, которую она сознательно, движимая ненавистью к власти, занимала в годы Русско-японской и Первой мировой войн. З.Н. Гиппиус оценивает настроение интеллигенции в этот период как «бессмысленный воинственный патриотизм», оказавшийся заразным на физиологическом уровне. Поэтесса утверждает, что нельзя любить Россию так, «как Англию любит англичанин», потому что отечество – это и народ, и государство. Но государство «против моего народа на моей земле» [4; 226]. «Тяжкий молот наша любовь», делает вывод Зинаида Гиппиус.

Так патриотизм становился предательством, любовь к Родине становилась борьбой с Родиной – в этом суть позиции «пораженчества». И только С.Н. Булгаков увидел в этом космополитизм, вненародность и отсутствие здравого национального чувства, препятствующих формированию национального самосознания. Философ писал о национальной идее, которая должна вырастать из этнографических, исторических и религиозно-культурных оснований. Именно «религиозно-культурный мессианизм» становится результатом сознательного развития национального чувства [2; 65]. Национальная идея в представлении славянофилов, Ф.М. Достоевского, Вл. Соловьева всегда была связана с русской культурой, с задачами Русской Православной Церкви, обосновывая таким образом идею народного братства, а не космополитизма. Космополитизм омертвляет «целую сторону души», только на первый взгляд снимая неудобные наци-

ональные вопросы, к обсуждению которых русская интеллигенция не готова, опасаясь обвинения в шовинистическом национализме. Поэтому так тревожит С.Н. Булгакова тема исторической судьбы русской интеллигенции: способна она к выполнению высочайшей миссии разумного просвещения России или «погубит Россию» [2; 30].

Размышления авторов «Вех» останутся не услышанными за подымавшейся волной критики. Но тема «чувства Родины» неиссякаема. В.В. Розанов даже выведет формулу: «Чувство Родины должно быть великим горячим молчанием» [13; 422], иначе – только «космополитическая мечтательность».

Чувство Родины было обретено российской интеллигенцией в эмиграции, и у каждого был свой путь. Предвестником обретения нового чувства была дореволюционная полемика находившегося в эмиграции писателя М.А. Осоргина с М. Горьким. Обсуждая тему «тоски по родине» в русских, особенно тех, кто вырван «из родной почвы насильственно», Осоргин подчеркивает, что «наш космополитизм есть лишь красивая форма нашей страдающей гордости». И что тоска по Родине не сводится к «тоске по привычному месту, где жить проще, удобнее». «Я сам русский, но тоскую так, как не пожелал бы тосковать никому другому» [12].

Чувство родины, чувство России, проснувшееся на чужбине, охватило и русскую эмиграцию первой волны. Просвещенная интеллигенция, находящаяся в самоидентификационном кризисе, резюмировала: «Отечество от нас отошло,... «народ» нас сметает, ни одно другое общество нас в свою среду не примет» [5; 31]. «Родины нет», – констатируют В.В. Розанов и З.Н. Гиппиус. Разъяренная толпа не оценила «народопоклонничества» просвещенной интеллигенции. Нужно было оказаться на Западе, чтобы наконец разочароваться в нем и обрести подлинное патриотическое чувство, которое будет «невытравимо жить в каждом эмигранте» [1; 61]. В.В. Набоков через десять лет после революции размышлял о благодарности «слепой Клио» за возможность вкусить в эмиграции подлинную свободу, совесть и единственный закон – закон любви к России [8; 404].

Эмигранты описывают «чувство России» как ощущение физической оторванности, «бездомное чувство» невесомости у А.Толстого, бестелесности у З.Гиппиус, неполноты бытия у К.Бальмонта, чувство «корня, вырванного из земли» у Б.Поплавского [14; 57]. Для М. Осоргина чувство родины – это невозможность ощутить вдали от России себя «дома», как бы ты ни пытался привыкнуть к чужому языку, «природная неспособность к акклиматизации» к чужой стране. Для М. Цветаевой чувство родины – это ощущение своей органической нерасторжимости с ней, несмотря на внешнее разъединение: Россия внутри, и потерять ее можно только с жизнью.

Так, через обретение чувства родины, складывалось в среде русской эмигрантской интеллигенции новое понимание патриотизма. Теперь это «единственная подлинная простая любовь», «всепрощающая любовь» [19], к матери. С.Л. Франк говорит о том, насколько истинная любовь в России отличается теперь от любви «из принципа патриотизма». О России теперь нельзя сказать, что она могущественна. Можно лишь сочувствовать ее утраченному величию и добродетелям, ее тяжелому духовному недугу. Именно о такой любви писал В.В. Розанов задолго до революции, надеясь, что на смену «космополитической мечтательности» в европейском ключе («*chère France*», «Старая Англия», «наш старый Фриц») и пренебрежения к своим корням («проклятая Россия») придет чувство

истинного патриотизма: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и будет являть одни кости – тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет...» [13; 275].

Таким образом, для русской интеллигенции первого потока эмиграции изгнание после революции на чужбину стало и «своеобразным историческим возмездием» за долгие годы «эмигрантского патриотизма» [7; 122], за незнание народной жизни, за увлеченность западными идеями, сознательную оторванность от отеческой культуры, и спасительным прозрением, спасшим ее самосознание от раздвоенности. Метания между ненавистью к государству и пламенной любовью к народу окончились, сформировалось понимание, чем должно быть наполнено целостное национальное самосознание. К сожалению, уникальный опыт обретения чувства родины, опыт постижения истинного патриотизма не вызвал интереса в постреволюционной России. Но именно сегодня он представляет особую ценность, служа предостережением для современной интеллектуальной и политической элиты, вновь безответственно увлекающейся западными либеральными идеями, технологиями и новациями. Россия – не безличный проект, это Родина, «родная, древняя, исконная мать» [19].

Литература

1. Белозерская-Булгакова, Л. Е. Воспоминания. – М. : Худож. лит., 1989. – 233 с.
2. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. – М. : РИПОЛ классик, 2017. – 330 с.
3. Герцен, А. И. Письма из Франции и Читали // Герцен, А. И. Сочинения в 9 томах. Т. 3. – М., 1956. – 517 с.
4. Гиппиус, З. Н. Петербургские дневники // Литература русского зарубежья : антология в шести томах. – М. : Книга, 1900. – 399 с.
5. Готье, Ю. В. Мои заметки. – М. : Терра, 1997. – 591 с.
6. Достоевский, Ф. М. О русской литературе // Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. 1873. – М., 1987. – 608 с.
7. Кононова, М. М. Проблема патриотизма в контексте истории российской интеллигенции и эмиграции // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. – М. : ИВИ РАН, 2005. – 250 с.
8. Костиков В.В. не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Междунар. отношения, 1990. – 462.
9. Мережковский, Д. С. Грядущий хам // Мережковский, Д. С. Большая Россия. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1991. – 267 с.
10. Милюков, П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи: Интеллигенция в России : сб. ст. 1909-1910. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 462 с.
11. Огарев, Н. П. Письмо императору Александру II [Электронный ресурс] // Колокол. – 1858. – № 46. (22 июня). – URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1857-1860/article-6.htm> (дата обращения 09.02.2020).
12. Осоргин, М. А. Письмо к М. Горькому от 18 марта 1913 г. // Сивцев вражек : роман. Повесть. Рассказы. – М. : Московский рабочий, 1990. – 704 с.
13. Розанов, В. В. Опавшие листья // Религия и культура. – М. : ООО Изд-во АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. – 640 с.
14. Соколов, А. Г. Судьбы русской эмиграции 1920-х годов. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 180 с.

15. Толстой, Л. Н. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. – М. : ЭКСМО-пресс, 1991. – 1038 с.
16. Тургенев, И. С. Путешествие русских студентов по Гарцу // Тургенев, И, С. Политическая проза. – М. : советская Россия, 1989. – 366 с.
17. Тургенев, И. С. Рудин // Тургенев, И. С. Избранное. – М. : Правда. 1982. – 608 с.
18. Федотов, Г. П. Россия и свобода // Русская идея: в кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья / сост. В. М. Пискунов. – М., 1994. – 1418 с.
19. Франк, С. Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odinblago.ru/krushenie_kumirov/ (дата обращения 09.02.2020)

E. V. Voropaeva

Transformation of the idea of patriotism in the Russian emigration of the XXth century

The Patriotic consciousness of the Russian intelligentsia on the eve of the October revolution is characterized by a lack of integrity, deformity, politicization, and self-identification crisis. Patriots were torn between love for the people and hatred for the state, were detached from the national soil and carried away by the ideas of Western culture. A new understanding of patriotism was gained along with a sense of homeland during the post-revolutionary exile.

Keywords: patriotism, Russian intelligentsia, cosmopolitanism, national idea, emigration.

References

1. Belozerskaya-Bulgakova, L. E. Vospominaniya [Memories]. Moscow: Khudozh. lit., 1989. – 233 p., 1989.
2. Bulgakov S. N. Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and asceticism] // Vekhi : sbornik statej o russkoj intelligencii N.A. Berdyaeva, S.N. Bulgakova, M.O. Gershenzona, A.S. Izgoeva, B.A. Kistyakovskogo, P.B. Struve, S.L. Franka. [Milestones: a Collection of articles about the Russian intelligentsia by N. A. Berdyaev, S. N. Bulgakov, M. O. Gershenzon, A. S. Izgoev, B. A. kistyakovsky, P. B. Struve, S. L. Frank]. Moscow: RIPOL classic, 2017. – 330 p.
3. A. I. Herzen's Pis'ma iz Francii i Chitali [Letters from France and Chitali] // A. I. Herzen. Works in 9 vols., vol. 3, Moscow, 1956. – 517 p.
4. Gippius Z. N. Peterburgskie dnevniki [Petersburg diaries] // Literatura russkogo zarubezh'ya [Literature of the Russian emigre community: an anthology in six volumes]. Moscow: Kniga [Book], 1900. – 399 p.
5. Gauthier, Yu. V. Moi zametki [My notes]. Moscow: Terra, 1997. – 591 p.
7. Kononova M. M. Problema patriotizma v kontekste istorii rossijskoj intelligencii i emigracii [the Problem of patriotism in the context of the history of the Russian intelligentsia and emigration] // Nacional'naya ideya na evropejskom prostranstve v XX veke [national idea in the European space in the twentieth century]. – Moscow, IVI RAS, 2005. – 250 p.
8. Kostikov V. V. Ne budem proklinat' izgnan'e... [Let's not curse the exile...] (Puti i sud'by russkoj emigracii [the Ways and destinies of Russian emigration]). Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya [International relations, 1990. – 462 p.
9. Merezhkovsky, D. S. Gryadushchij ham [the Coming Boor]. // D. S. Merezhkovsky. Bol'naya Rossiya [Sick Russia]. Leningrad: LSU publishing house, 1991. – 267 p.
10. Milyukov, P. N. Intelligenciya i istoricheskaya tradiciya [Intelligentsia and historical tradition] // Vekhi: Intelligenciya v Rossii [Milestones: Intelligentsia in Russia]: Collection of articles 1909-1910. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991.- 462 p.
11. Ogarev N. P. Pis'mo imperatoru Aleksandru II [Letter to Emperor Alexander II] // Kolokol. No. 46. June 22. 1858. [Electronic resource]. Mode of access: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1857-1860/article-6.htm> (Date of access: 09.02.2020).
12. Osorgin M. A. Pis'mo k M. Gor'komu ot 18 marta 1913 g [Letter to M. Gorky of March 18, 1913] // Sivtsev Vrazhek: Roman. Story. Tales. Moscow: Moskovsky Rabochy, 1990. – 704 p.

13. Rozanov V. V. Opavshie list'ya [Fallen leaves] // *Religiya i kul'tura* [Religion and culture]. Moscow: AST Publishing house, Kharkiv: Folio, 2001. – 640 p.

14. Sokolov A. G. Sud'by russkoj emigracii 1920-h godov [the Fate of Russian emigration in the 1920s]. Moscow: Izd-vo MGU [Moscow state University publishing House], 1991. – 180 p.

15. Tolstoy L. N. Krug chteniya: izbrannye, sobrannye i raspolzhennye na kazhdyj den' L. Tolstym mysli mnogih pisatelej ob istine, zhizni i povedenii [Circle of reading: Selected, collected and arranged for each day by L. Tolstoy thoughts of many writers about truth, life and behavior]. Moscow: EKSMO-press, 1991. – 1038 p.

16. Turgenev, I. S. Puteshestvie russkih studentov po Garcu [the Journey of Russian students to Garc] // of I. S. Turgenev. Political prose. Moscow: Soviet Russia, 1989. – 366 p.

17. Turgenev I. S. Rudin // I. S. Turgenev. Selected works. M: Pravda. 1982. – 608 p.

18. Fedotov, G. P. Rossiya i svoboda [Russia and freedom] // *Russkaya ideya: v krugu pisatelej i myslitelej Russkogo Zarubezh'ya* [Russian idea: in the circle of writers and thinkers of the Russian Emigration]. Comp. by V. M. Piskunov. Moscow, 1994. – 1418 p.

19. Frank S. L. Krushenie kumirov [the collapse of idols] [Electronic resource]. Mode of access: http://www.odinblago.ru/krushenie_kumirov/ (Date of access: 09.02.2020).